

Свидетельства о войне и оккупации в воспоминаниях русских крестьян: две казачки под Сталинградом¹

А. Д. Нахимовский

Александр Давидович Нахимовский, PhD, доцент кафедры информатики, директор Программы по лингвистике (в отставке), Университет Колгейт. 13 Оак Драйв, Гамильтон, Нью Йорк, США. E-mail: adnakhimovsky@colgate.edu

Аннотация. Предметом настоящей статьи является жизнь русских крестьян и донских казаков на обширной степной территории, прилегающей к Сталинграду и оккупированной немецкими войсками во время Сталинградской битвы. Приволжская оккупация продолжалась всего несколько месяцев. Бои на этой территории начались в июле-августе 1942 года, в сентябре установился более или менее организованный оккупационный режим, который пришел к концу после советского контрнаступления 19–23 ноября. О Сталинградском сражении существует огромная литература, но о жизни крестьян в оккупации под Сталинградом не написано практически ничего, а исследования оккупации сосредоточены на западных областях страны, где она длилась годами. Цель настоящей статьи — показать, как в необычных условиях приволжской оккупации действовали обе стороны противостояния; как при этом проявились традиционные крестьянские ценности и принципы поведения; и как иной раз с неожиданной стороны, нарушая привычные стереотипы, вели себя оккупанты. Источником статьи послужили опубликованные записи лингвистов-диалектологов. В статье обсуждаются методологические вопросы соотношения устной истории, возникшей в России в 1990-х годах, и диалектологических исследований, которые велись в советской деревне, начиная с 1970-х годов. Автор приходит к выводу, что записи, созданные в ходе диалектологических экспедиций, представляют большой интерес и могут выступать в качестве исторических источников при изучении истории крестьянства в России.

Ключевые слова: устная история, Великая Отечественная война, Сталинград, оккупация, крестьянство, донские казаки, коллаборационизм, партизаны, раскулачивание

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-69-102

-
1. Автор благодарен Олегу Будницкому, Анне Малышевой, Ирине Паперно, прочитавшим рукопись статьи и сделавшим ценные замечания. Материалы к статье создали и сохранили диалектологи Леонид Касаткин и Кристиан Саппок, которые руководили полевыми работами и вели интервью. Елена Мошкина рассказала автору о существовании записанного ею интервью с Раисой Проиной, которое Christian Sappok по просьбе автора выложил в свой уникальный архив RUREG.

Предметом настоящей статьи является жизнь русских крестьян на обширной степной территории, прилегающей к Сталинграду и оккупированной немецкими войсками во время Сталинградской битвы. Ожесточенные бои здесь начались в июле-августе 1942 года. Советские войска потерпели поражение, и в сентябре бои сместились в сам город, занимавший узкую полосу вдоль Волги, а на степной территории установился более или менее организованный оккупационный режим. Оккупация пришла к концу после советского контрнаступления 19–22 ноября.

О летних боях в степи и о сражении в городе написана огромная литература (среди наиболее известных книг: Beevor, 1998; Glantz, 2017; Hellbeck, 2016), но не будет преувеличением сказать, что о жизни крестьян в оккупации под Сталинградом не написано практически ничего. Тому есть несколько причин. Жизнь крестьянства во время войны вообще изучена мало, а тем более жизнь в оккупации. Оккупация долгое время оставалась трудной темой. Первые важные описания (см. особенно: Ковалев, 2011; Enstad, 2018) сосредоточены на западных областях страны, где оккупация длилась годами и оставила по себе большой след в воспоминаниях и архивных документах. Приволжская оккупация продолжалась всего несколько месяцев, с июля по ноябрь. Никаких собственно оккупационных властей не было — были солдаты вермахта на втором году войны, которые в боях прошли от Украины до Волги и ожидали быстрого конца летней кампании. У них не было времени на административную писанину. С советской стороны, возможно, сохранились протоколы судов над коллаборантами, но, как видно из наших примеров, это были короткие суды (см. раздел «Дядя Семён»).

Единственными описаниями жизни крестьян во время приволжской оккупации являются их собственные устные истории, записанные лингвистами-диалектологами. Хотя и методика полевых работ, и материалы, созданные диалектологами и устными историками, часто неразличимы, границы между дисциплинами помешали совместной работе. Например, статья (Budnitskii, 2014) полностью нацелена на историю крестьян («I am especially interested in Russian peasantry», с. 772) и тщательно анализирует огромный материал (интервью военных лет, фронтовых дневники, письменные воспоминания горожан, попавших в деревню во время войны). Однако устные истории неграмотных крестьян, записанные в недавнее времена диалектологами, были просто вне поля зрения историков.

В нашей предыдущей работе (Нахимовский, 2021) уже была сделана попытка использовать диалектологические записи для исторического исследования. Цель настоящей статьи — показать, как в необычных условиях приволжской оккупации действовали обе стороны противостояния, оккупанты и местные жители; как при этом проявились традиционные крестьянские ценности и принципы поведения и как иной раз с неожиданной стороны, нарушая привычные стереотипы, вели себя оккупанты. (Напомним, что речь идет о сельской

местности, куда солдат отводили на передышку после боев в городе, где уровень жестокости был совсем другой.) Поскольку материал статьи нарративный, она также представляет читателю — в отрывках, но без каких-либо редакционных правок — хорошо рассказанные истории, полные глубокого драматизма и ярких персонажей. Среди оккупантов это немецкие и румынские солдаты; со стороны местного населения — донские казаки, жившие в станицах и хуторах, сохранявшие казачьи традиции и хорошо помнящие коллективизацию.

Статью, основанную только на устных источниках, могут обвинить в недостаточной объективности, так как приведенные в ней факты часто невозможно подтвердить другими документами. Обширная литература по устной истории (Lynd, 1993; Лоскутова, 2002; Щеглова, 2011) уже ответила на эту критику: устные повествования представляют историческую ценность, особенно если в них повествуется о масштабных трагических событиях самими жертвами этих событий, зачастую из бесправных и малограмотных социальных групп. Американский историк польского происхождения Ян Гросс, много сделавший для введения устной истории в основное русло исторических исследований Холокоста, настаивает, что в таких ситуациях устные рассказы должны получить такой же статус доверия, как и письменный источник (Gross, 2001: 139–140). Этот принцип полностью применим и к рассказам русских крестьян об их жизни в 1918–1953 годах. Слушая записи или читая научные расшифровки, трудно отказаться от впечатления, что эти истории правдивы. В них могут не стыковаться даты или перепутаться имена и названия, но в них никогда нет намеренного искажения. Да и странно было бы услышать такие искажения от женщин (большинство свидетелей — женщины) в глубокой старости, которые рассказывают историю своей трудной жизни, тем более что многие из них никогда не покидали свою родную деревню или ближайшую округу. Иногда в их рассказах проскальзывает точная историческая подробность, которую они никак не могли бы придумать или где-то услышать, что еще более усиливает ощущение подлинности.

Источники

Начиная с конца 1980-х годов в России начал складываться исторически уникальный корпус автобиографических повествований тех русских крестьян, которые в сознательном возрасте пережили коллективизацию и остались крестьянами-колхозниками. До конца 1980-х такие повествователи не стали бы рассказывать неизвестным людям правду о своей жизни, а к 2015 году их практически не осталось, так что корпус можно считать завершенным. Ученым еще предстоит описать его масштабы и очертания; в данной статье предлагается лишь несколько предварительных замечаний, важных для обсуждаемой темы.

Первым толчком к созданию корпуса послужили экспедиции 1990–1992 годов, которые организовал Теодор Шанин. Начало было многообещающим: группа молодых ученых получила предварительную подготовку и оборудование и разъехалась в шесть далеко разбросанных друг от друга районов страны. По окончании экспедиций расшифровки записей были собраны в книге (Голоса крестьян..., 1996). В основном результаты изначальных шанинских экспедиций следует признать неудачными по двум причинам: исходные записи не сохранились, а опубликованные расшифровки подверглись значительной редакторской правке с целью сделать их более интересными для широкого читателя. Главным успехом шанинских экспедиций стала работа саратовского ученого Валерия Виноградского, который собирал свой материал у себя по соседству, в Саратовской и Волгоградской областях. Свои расшифровки, искаженные редакторской правкой в книге 1996 года, он переиздал в исправленном виде в книгах и статьях (Виноградский, 2009; Виноградский, 2012; Виноградский, 2017). Читая расшифровки Виноградского, невозможно усомниться в их точности, но даже и у него изначальные записи не сохранились.

Дисциплина «устная история» начала складываться в России в 1990-е годы. Полевые работы среди крестьян относятся к середине 1990-х; первые публикации, основанные на полевых работах, появились в конце XX и начале XXI века; первые методические и учебные пособия — еще десятилетием позже (обзор развития устной истории на Западе см.: Лоскутова, 2003; Щеглова, 2011; Lynd, 1993). Т. К. Щеглова пишет: «[Устная история] на современном этапе подошла к признанию в академической среде, пройдя путь от ее отрицания и жесткой критики в 1990-е гг. до широкого использования в 2010-е гг.» (Щеглова, 2020: 2). Она также отмечает, что имеется «отстающая от потребностей исследовательской практики разработка теоретико-концептуальной базы ее развития и недоговоренность российского сообщества устных историков по многим дискуссионным проблемам, вопросам адаптации к российской почве зарубежного опыта устной истории» (Там же). В частности, нет договоренности о принципах архивного хранения устных записей, их расшифровки и публикации.

В отношении полевых работ историки были далеко позади диалектологов, наследников вековой традиции, которая началась в XIX веке и не прерывалась в советские времена. Никаких цензурных запретов на диалектологию не было, потому что до сравнительно недавнего времени диалектологи собирали лингвистический материал в рамках отдельного слова и предложения. Их интересовали звуки, формы слов, местная лексика, синтаксис фразовых единиц. Лишь в 1970-е годы начинают появляться записи развернутых повествований, изданные только после отмены цензуры. К 1990-м годам записи повествований становятся общей практикой (Гольдин, 1997). Многие такие записи были собраны в Институте русского языка Академии наук, где долгие годы директором отдела диалектологии был Леонид Леонидович Касаткин.

У диалектологов были свои причины записывать голоса старых крестьян: в них продолжали жить традиционные диалекты, которые начали быстро исчезать в послеколхозных и послевоенных поколениях. Для научной работы у диалектологов есть фонетическая нотация, которая добавляет специальные символы к стандартному алфавиту и пунктуации, чтобы передать особенности диалектного произношения, поэтому обычный образованный читатель такие тексты читать бы не стал. Между тем диалектологи прекрасно понимали культурно-историческую ценность своих записей и общественный интерес к истории крестьянства. Так появилась легко читаемая (*Русская деревня...*, 2010) публикация, сознательно позволяющая себе такие же вольности в отборе и расположении материала, что и книга, основанная на шанинских экспедициях. Возможно, потому, что на сей раз создателями были именитые профессиональные диалектологи, а не малоизвестные начинающие социологи, критика отнеслась к ней благосклонно. Однако проблема публикации диалектных расшифровок для неспециалистов остается нерешенной (*Качинская, Малышева, 2019; Крючкова, Гольдин, 2011*).

Очень важная нерешенная проблема и у диалектологов, и у историков это хранение изначальных записей. Глубоко укоренившееся недоверие к открытым архивам и надежности копирайта приводит к тому, что многие ученые держат свои архивы у себя². Даже если какие-то материалы попадают в архивы научных организаций, там зачастую нет общедоступных каталогов, и изначальные записи бывает трудно найти. Так и получилось, что самый большой такой архив, полностью документированный и выложенный в интернет, находится в Германии — результат огромного труда немецкого ученого Кристиана Саппока³. Хотя Саппок придерживался более строгих правил при публикации расшифрованных материалов, Касаткин и Саппок были друзьями и много работали вместе в полевых экспедициях, особенно когда их научные интересы совпадали. В 1999–2001 годах их обоих интересовали диалекты казачьих поселений в районах, прилегающих к Волгограду, и так возникли материалы данной статьи.

География и хронология оккупации

Развитие Сталинградской битвы во многом определялось сравнительной географией Волги и Дона. Истоки Дона находятся далеко к северу от Сталинграда, в Тульской губернии. Изначально двигаясь 550 км с севера на юг, в Воронежской губернии Дон поворачи-

2. Один из крупнейших устных историков в России, Виктор Бердинских, прямо говорит, что хранит все свои обширные материалы в своем личном архиве (*Бердинских, 2020: 6*).
3. RuReg. Русские регионы: акустическая база данных / URL: <http://rureg.ub.rub.de/search/audio> (дата обращения: 26.01.2022)

чивается на юго-восток и делает большую дугу (Большая излучина Дона), приближаясь к Волге. В самой восточной точке этой дуги, примерно на одной широте со Сталинградом, стоит город Калачна-Дону, от которого до Сталинграда всего 80 километров. Далее Дон по дуге поворачивает на юго-запад, а дойдя до Волгодонска, продолжает прямо на запад к Ростову-на-Дону и Азовскому морю.

Первый период битвы проходил в Большой излучине Дона и на ближних подступах к Сталинграду и в июле-августе эти места оказались под немецкой оккупацией. В настоящей статье описывается, как проходила крестьянская жизнь в этом обширном пространстве с июля по ноябрь 1942 года. Текст основан на обширных воспоминаниях двух крестьянок, которые были записаны в 1999–2000 годах. Удивительным образом, собственно Сталинградская битва в этих воспоминаниях почти не упоминается: рассказчицы практически ничего не знали о сражении, которое шло где-то в городе. Более того, за 55 лет, прошедших с конца войны до записи воспоминаний, у них не добавилось ровно никакого нового знания об этом сражении. Возможно, разговор просто не заходил об этом, либо женщины избегали открыто говорить о тех временах: их рассказы, записанные уже на рубеже XXI века, содержат много неожиданного и об отношениях с оккупантами, и о поведении последних. Обширные устные свидетельства как материал истории, а не диалектологии приводятся здесь впервые.

О рассказчицах, собирателях и устной истории

В местах оккупации и шире — в Среднем Поволжье расположено много казачьих станиц и хуторов. Казаки начали появляться еще в XVII–XVIII веках, переселяясь из южных губерний России и с Нижнего Дона, иногда самостийно, иногда посланные императорской властью для охраны границ. В течение многих поколений они четко отделяли себя от не-казаков («хохлов»-украинцев и «мужиков»-русских), и выговор у них был особый⁴. Именно благодаря этому обстоятельству у нас и сохранился материал для данной статьи: его собрали языковеды-диалектологи, которые в конце 1990-х — начале 2000-х годов провели несколько экспедиций в Волгоградскую область, записывая казацкие диалекты⁵. Они побывали, среди других, в двух станицах, которые в 1942 году попали в клин немецкого наступления на Сталинград, и записали два подробных повествования.

Первая рассказчица, Пелагея Петровна Романенко (далее ПП), родилась в 1924 году. Она провела оккупацию в хуторе Евлампиевский, недалеко от станицы Голубинской, куда Романенко переехала в старости и где было записано ее интервью. Вторая рассказчица,

4. Я благодарен Валерию Виноградскому за эти данные (личное сообщение).

5. Леонид Леонидович Касаткин, Кристиан Сапкок и их сотрудники, особенно Елена Николаевна Мошкина из Вятского университета.

Раиса Ивановна Пронина (РИ), родилась официально в 1926 году, но есть некоторая неясность, может быть и в 1925-м. Она провела оккупацию в станице Распопинской и вокруг нее. ПП начинает свой рассказ с прихода немцев. РИ проводит первую треть своей двухчасовой записи, рассказывая о предвоенной жизни, которая включала в себя раскулачивание и ссылку на спецпоселение в Казахстан. Эта часть ее воспоминаний помещена в статью как важный исторический контекст для понимания отношения к немецкой оккупации.

Цитирование примеров. О языке

В статье используется много примеров устной речи. Для примеров ПП даются в скобках страницы из Касаткина (Касаткин, 2017). Примеры РИ сохранились в записи Сапока, которую он разделил на 57 треков, каждый длиной около двух минут⁶. Для примеров РИ дается номер трека. Иногда внутри примера дается точное время внутри трека: 23 означает 23 секунды от начала; 1.05 означает 1 минута и 5 секунд от начала.

Прежде чем цитировать примеры, укажем, как в них отражаются диалектные черты.

Фонетика

В публикациях диалектных текстов для более широкого круга читателей используется стандартный алфавит и пунктуация, но по возможности сохраняются главные особенности диалекта. Разные расшифровщики могут понимать «главные особенности» по-разному. В примерах из Касаткина диалектных черт немного, примеры из записи Сапока ближе к произношению. В них сохранены такие важные черты, как яканье; смягчение согласного [t] в окончаниях глагольных форм 3-го лица настоящего времени и упрощение кластеров согласных. Слова «когда он придет...» будут приведены, отражая произношение как «када ён прядёт».

Грамматика

Во многих русских диалектах отдельный средний род существительных практически исчез, так что с существительными среднего рода употребляются прилагательные и местоимения женского рода, как в Примере 19: «эту зерно».

6. Аудиозапись воспоминаний Р. И. Прониной: RuReg. Русские регионы: акустическая база данных / URL: <http://rureg.ub.rub.de/search/audio> (Regionen: South, Expedition: CHO1-50).

Диалектные слова даются в пояснениях прямо в тексте, в скобках, с инициалами автора пояснения (ЛК — Леонид Касаткин или АН). Два слова из литературного языка имеют другое значение в диалекте: «шуметь» означает «кричать, орать», а «кричать» означает «плакать». Когда нужно указать нестандартное ударение, используется просто заглавная буква: «Ну немцы пришли-вошли, как зарали, и музЫки какие-то повключили» (Пример 8).

Манера повествования

Исследователи крестьянского повествования часто отмечают его «живость». Хотя у этого интуитивного понятия нет точного определения, можно отметить две черты, которые способствуют «живости». Во-первых, это частый, почти постоянный переход из прошедшего времени повествования в «настоящее повествовательное». Этот прием встречается и в языке образованных людей, но в крестьянской речи он превалирует. Во-вторых, это использование диалога для развития повествования. Например, вот событие: «Пришел Пашка, принес яйца. Мы спросили, откуда он взял. Он объяснил, что река разлилась, птицы улетели со своих гнезд, оставили яйца. Отец решил тоже пойти, набрать яиц». В рассказе РИ это звучит так: «И заходить Пашка, у него яйца. Откуда? Пашка говорить вода разлилась из Дона, много птиц улетели, оставили яйца. “Пойду я, мать, может наберу”». Здесь прямая речь приведена без вводных слов; из предложения понятно, чья это речь.

Рассказ РИ о раскулачивании

Раскулачивание началось с того, что забрали отца как кулака и посадили в тюрьму. Потом дедушку и мать с тремя детьми (Раиса — младшая) посадили на телегу и повезли воссоединяться с отцом. Еще двое старших детей жили в другой станице, и их не тронули.

Пример 1. Высылка. Трек 4

Привязли в Михайловку [...] и в тюрьму. И мне ж было шесть лет, и я уже была заключенная. На мене было заведено дело. [...] Такое жарница была страшная. Вонница — ну она ж тюрьма. Нас не в самую тюрьму — [...] а в двор. [...] А вонница тёмная (густая. — АН), народу собилось тёмно (тяжело вздыхает, чуть не плачет — единственный раз во всем повествовании. — АН). Ой вы меня простите пожалуйста, трудно вспоминать. Ну [...] мы побыли у этой тюрьме, [...] нас, вот не помню я на какой день, погрузили в вагоны, [...] просто в вагоны вот в каких возят вот

это, всякое пакость (усмежается), посадили и повезли. Три дня нас не открывают. И ни водички, ни этой, ничего. Вот что нам люди швырнули, вот на этом мы ехали.

Дальше все разворачивалось по обычному спецпоселенческому сценарию (см.: Viola, 2007).

Пример 2. На спецпоселении. Трек 5

...привезли нас в Караганду, а потом нас повезли от значить от Караганды куда-то там подальше. Ну вывезли в степь! Вот так степь кругом, ничего нигде никакого нет, лишь ветер валяет эти, траву и все. Вывезли, бросили нас. Ну там первое время хуч есть нам давали всяко вот они. Какую-то вот ПОРЦИЮ (с ироническим ударением. — АН), но давали нам есть, это вот за это сказать нечего. И воды стали возить. На этом (усмежается) на верблюдах привозили воды (смеется). 1.08 [...]

Мы ничего не знаем, как жить. Потом значить, не знаю сколько мы прожИли, нам сказали: «Собе делайте, ну, делайте, чтобы хаты такие». И отцы стали делать, отцы там, матеря, все кто мог. [...] и сделали вот что сейчас видите в совхозе [...] какие коровы эти [...] сараи, вот такие помещения делали, страшущие помещения.

С постройкой спешили, потому что надвигалась зима.

Пример 3. Зима, холод, меретия. Трек 6

...зима нам подходит, заходить зима. Холодюка заходить, а в Сибири холод страшный (до конца жизни РИ думает, что Караганда в Сибири. — АН). Ну мы значит перешли туда. Ну столько семей я не знаю, триста ли, четыреста семей было. Открылась сильная меретия (смертность. — АН). Мороз вот всех так, как утром встаем — зима, настоящая зима. Холодюка страшущая. Ну народу много, и, это, не то чтобы замерзали, не замерзали там-то, ну мы просто от всёй этой настроение. [...] Меретия открылась страшная. У нас умер дедушка. Умерла сестренка старше меня. Заболела я.

В другой станице у семьи остались 15-летний старший брат и уже замужняя старшая сестра. На этой стадии раскулачивания (конец 1930–1931 год) детская смертность в поселениях была так высока, что разрешено было нераскулаченной родне приехать и забрать малолетних детей домой (Viola, 2007: 51–53). РИ описывает это так.

Пример 4. (Продолжение пр. 3) Детей забирают. Трек 6

Заболела я. А брат у нас какой-то, братишка у нас остался, он стал ходатайствовать, когда мы опять прислали письмо, что сильная меретия, что у нас помер дедушка (текст пропущен, см. ниже. — АН).

Када мы написали письмо, [...] брат начАл тут, написал Сталину письмо: 1.50 ...разрешите вывезти хучь маленьких детей. Сильная меретия. И они (поправляется. — АН) он значить разрешил. Вот я уж не знаю, как они писали все, чего писали, не знаю. Брат за нами приехал туда.

А. Д. Нахимовский
Свидетельства
о войне и оккупации
в воспоминаниях
русских крестьян:
две казачки под
Сталинградом

Пятнадцатилетний подросток с двумя детьми как-то добрались обратно в станицу. Брат оставил детей одних и вернулся к себе на работу. Детям жить негде, их раскулаченный дом разобрали на бревна, чтобы построить школу. Они мыкаются из одной семьи в другую, пока наконец замужняя старшая сестра не забирает их к себе, они живут у нее в «гарнушке» — местное казацкое слово, которое означает что-то вроде флигеля. Тут вдруг появляются сбежавшие из спецпоселения отец с матерью: «*Прибегли с Сибири они, отец с матерью. Мать у нас была дюже в положении с этим, братишкой*» (Трек 11). В гарнушке стало жить невозможно, но родители где-то устроились на работу, и им дали чулан в хате какого-то начальства. В этом чулане мать и родила.

Пример 5. Мать родила. Трек 13

И ноне в чулане, и завтра в чулане, и моя мать сходилась родить, родила парнишку. Закатать не в чего. И она с себя последнюю рубаху скинула, закатала этого дитя. (Смеется.) А потом она значить закричала (заплакала. — АН) мать, а отец ушел на работу, она закричала, и эти бабы то возле, крутят-ся возле ее, ну и там эти начальство, и они то рубахонку какую-то дают, то какое-то плачишко дали закатать хоть дитя-то, а мать закричала, говорит: «Господи. Забери его Господи на свои руки» (о.4о).

Вскоре после этого кто-то донес, и отца посадили на три года в тюрьму за побег. Мать с детьми переселилась обратно к старшей дочери в гарнушку. Она уходила на работу со старшим мальчиком, а РИ оставалась с младенцем одна в свои 6, 7, 8 лет. Ей часто было страшно, что она что-нибудь сделает не так и погубит ребенка, но все обошлось. Наконец отец вернулся, РИ бросилась ему на шею, но он ее остановил: «*Дочь, ты, говорит, ко мне не лезь, у меня виши*» (Трек 18). Умывшись в бане, он все-таки ее обнял, а тут еще соседка принесла рыбы поесть, чтобы отметить событие. РИ подробно отмечает все такие случаи неожиданной человеческой доброты.

Прежде чем закончить о раскулачивании, приведем пропущенный текст из Примера 4, в котором РИ высказывает главную семейную обиду, от которой и дедушка умер.

Пример 6. Отчего дедушка умер. Трек 6

...мы опять прислали письмо, что сильная меретия, что у нас помер дедушка. 1.1о Но он дедушка наверно помер [оттого, что. — АН] он дюже волновался: (голос меняется, говорит громко, убежденно. — АН) только они, наши родители, только выжили, только хату купили, а то хатюшечка у них была маленькая какая-то, а то только хату они сделали, отец стерёг семнадцать лет сряду чужую скотину, за того чтобы всё — и он кулаком остался. Ну это правильно, как вы думаете? И он же кулак.

РИ ни разу не высказывает такого чувства обиды по отношению к оккупантам.

Когда отец вернулся из тюрьмы, жизнь пошла лучше. Отец и мать работали; старшая сестра с мужем тоже зарабатывали, появились деньги. Перед самой войной они даже сумели поставить для семьи дом и выбраться наконец из гарнушки.

Пример 7. Начало войны. Трек 22–23

И телушка отеллилась наша, и корову они хотели уж, и уж мы живем разбогато-богато [...] и на выходных все, отец стал на выходные ходить (т. е. до того работал без выходных. — АН), ну всё ж таки не подневольные. Я стала в школу ходить. Большак уж стала (смеется. — АН), стала ходить в школу. Все ходят наразнарядные-нарядные, а у меня-то нечем наряжаться. Ну дай Бог здоровья, у нас люди были славные. [...] Ну тогда зять говорить, отцу моему говорить, 1.26 «Папка, все же дети у тебя большие уж, и Федька большой, и Райка большая уж, Федьку забирают в армию; ага, давайте купим вам дом». [...] Купили дом, хороший дом. Год живем, другой живем в этом доме, расхорошо, недалёко. Слава тебе Господи. 1.56 И вот эта блядская война. Господи прости мою душу грешную! Что ж это там кто-нибудь услышит (смеется). (РИ любит вставить крепкое словцо и всегда после этого просит прощения у Господа. — АН.)

А. Д. Нахимовский
Свидетельства
о войне и оккупации
в воспоминаниях
русских крестьян:
две казачки под
Сталинградом

Немцы в Распопинской

Ни РИ, ни ПП ничего не говорят о первом годе войны. Их братья сразу ушли на фронт, но для них самих война началась с приходом немцев летом 1942 года. В Распопинскую они пришли раньше, еще в июле.

Пример 8. Немцы в Распопинской. Трек 23

Как они грянули сюда, это нельзя передать. Немцы. Сначала входили немцы оттуда вот (показывает. — АН). И все шуметь «Немцы», а наши, как пошли наши отступать, а их раз-немножечко остается, бьют по ним, стреляют [...] Ну немцы пришли-вошли, как заорали, и музЫки какие-то повключили — а какие нам музыки? И объявляют по рации, что [...] если кто — если значит немца убьют, за одного немца будут сорок человек расстреливать. 2.16 Если ну там ты или я немца убью, значит сорок человек расстреляют наших русских, совсем безвинных людей. Ну помирать никому ж не хочется. А ненависти-то у всех полно, к ним, к немцам. Мы все и боимся.

Так для РИ запомнилась первая встреча с новой властью. Но тут же она вспоминает и личный контакт между людьми, где все обстоит немного иначе: распопинский казак нашел раненого немца и привез, отдал его немцам. Обстоятельства были сложные.

Пример 9. Взаимный долг. Трек 25

...тут наши убили двух или трех немцев, как они [...] вошли сюда. с.26 А одного значит привез наш распопинский мужчина, он тоже был в армии, и его ранили. Ранили, и значит ему отымали ногу, немцы, и они его спасли, немцы [...], а када немцы сюда пришли, и ранили-то его тоже, немца-то, он grit, как меня хотите так туда и набивайте, как хотите так и говорите на мене, а они меня немцы спасли, я его тоже ж должен спасти. И взял этого немца спас, и немцы как вошли, так он им его отдал. 1.17 [...] Ну его кто обсуждал (т. е. осуждал. — АН), кто не обсуждал, ну это уж чтож, что его обсуждали. Жить хочется всем. Он ничего плохого не сделал, он привез, и его немцы взяли к сябе, писарем. 1.37

РИ не скрывает, что выполнение морального долга повлекло и материальную выгоду, но несколько этого не осуждает. По-человечески, «он ничего плохого не сделал». Этот человеческий поступок ничуть не противоречит общей картине противостояния народа и власти.

Пример 10. Власть и насилие. Трек 25

И вот когда немцы вошли, объявили нам, что кто, значить, будет убивать, тоже, значить, помиловать не будут. 1.48 Да вы и так не помилуете, и так вы нас пришли убивать, мы ж знаем, что вы пришли убивать.

Контраст между предыдущими двумя примерами можно сформулировать так: «Мы хорошо знаем, что власть будет совершать такое насилие, какое ей нужно; не надо нам об этом напоминать. Мы будем жить в рамках этого насилия, но между людьми у нас свои правила справедливости и милосердия: немец меня спас — я должен спасти немца». Безногий коллаборационист появляется снова в ее рассказе: он тайком приходит предупредить мать расстрелянного комсомольца, что ей самой грозит опасность (Трек 34). Немецкие врачи тоже появляются еще раз: Раису ранило, из руки течет кровь, ее сестра побежала к немецким врачам, и они дали ей бинт перевязать руку Раисе (Трек 37).

Немцы в Евлампиевском

У ПП и прибытие немцев, и жизнь в оккупации сложились сравнительно спокойно. Она жила у родителей мужа в хуторе Евлампиевский, откуда 20 км на юг до Голубинской, а оттуда еще 40 км до Калача. После сражения в Большой излучине, когда был взят Калач, в Евлампиевский немцы вошли тихо.

Пример 11. Наши ушли, немцы еще не пришли, потом пришли (с. 619–620)

А вот это ещё как идтить немцам (когда немцы вот-вот придут. — АН), вот всё, наши уехали, я пришла домой, а мать го-

ворит: «Отец (это свёкор) куды-й-то ушёл, ты иди, Полюшка, к Семёновым» — это дядя, отцов брат тут. Ну я девчонку взяла и пошла. Пришла да говорю: «Я к вам пришла, я боюсь там». — «Ну идите давайте в окоп, — дед Семён говорит, — давай в окоп залазтья». А у них окоп так окоп, так и так вот ишо три (показывает руками размеры окопа. — АН). Ну и вот суды залезли, там воды поставили они. [...] Ну и дядя Семён ушёл в этот окоп.

Ну мы тут сидим, а немцы-то идут, суды заглядывают, выходите, значит. [...] А дядя Семён чуеть это, слышит, что разговор — немцы. А он в плену был в германскую, ну он умеет по-немецки говорить. А сколько жили с германской, никто не знал, чтоб он по-немецки, сказал, что «Я знаю немецкий язык». А он уж тут с немцем разговаривает. А я слушаю: а-а, дядя Семён разговаривает с немцами! Ну и всё. Он тут говорит: «Вылазьте». Вылазим, в кухню приходим. Ну и уж тут вечер, уж солнышко так низко было. Я домой больше не пошла, так и у них осталась.

Ну у тут вечерять, в кухне столик выдвинули такой невисокий, такие вот скамеечки. Мы кругом обсадились. Тётка Ганя, эта бабка, налила нам йисть, там чо-й-то принесла из кухни. А солнышко так садится ли ишо не село. А немец, часовой тут, спрашивает: «Это все твои?» А он говорит: «Все мои». Ну а Маруся вот: «Папаня, чо сказал?» — «Он говорит, шо вот все твои? А я говорю: все мои». — «А мужья у них?» А он им говорит: «На фронте». [...] А я сижу — глянь: дядя Семён по-немецки разговаривает!

Как видим, немецкий солдат сел ужинать с семьей. Благоприятное отношение донских казаков к немцам было уже известно и не раз проявлялось на долгом пути от Украины до Калача (Беевор, 1998: 105). Присутствие дяди Семёна тоже помогло. У него явно были способности к языкам. ПП тут же рассказывает, как незадолго до войны через хутор проходили евреи, эвакуированные откуда-то с запада, из Польши или Прибалтики. Евреи были не городские и работали в поле вместе с казаками. Дядя Семён услышал, как они говорили на идиш, и включился с ними в разговор: «дядя Семён язык еврейский знает! Ну а потом, кода это он стал с немцами разговаривать, он говорит: немецкий язык с еврейским чо-й-то есть такое» (Касаткин, 2007: 620).

Сравнительная оккупация-1: Распопинская

Оккупация и дальше сложилась очень по-разному в Распопинской и Голубинской. Распопинская была и более жесткой, и более хаотичной. Обязательных работ не было. Вскоре после прихода немцы выгнали всех жителей из станицы, и они стали жить в ярах, куда забрали из дому, что могли, включая и всю свою живность. Им разрешили приходить в станицу получить пищевой

паёк, который РИ называет «провиант», и зайти домой добрать, что еще нужно. В один из таких приходов случилась показательная история.

Пример 12. История с кабаном. Трек 26

А у нас значит, был кабан, большой, ну немец пришел и говорит отцу, у отца спрашивает: «Твой кабан?» А он говорит: «Кабан мой» (РИ никак не объясняет, на каком языке они разговаривают. — АН). А он немец говорит: «Никуда его не девай, я завтра приду его и, значит, заберу». Видно он какой-нибудь начальник немецкий. А у нас казаки не ругачие (сказано иронически. — АН). «А так его мать, хочет, значит, кабана — нет, я это дело не отдам». — «Папаня, нехай он берет, а то он убьет». — «Нет, ничего он, никуда не денется».

Ночью отец зарезал кабана, они вместе его распотрошили, нарежали на куски, сложили в ящик и зарыли в землю. На другое утро немец так и не пришел. *«И когда немцы-то ушли, а мы отрыли, а у нас это и мясо. Хучь она (мясо. — АН) и в земле была, но она [...] не пропала» (Трек 27).*

Раиса еврейка

Вскоре после этого эпизода Раисе пришлось уйти из Распопинской: не очень понятно как, но разнесся слух, что она еврейка. Почему еврейка? Во-первых, у нее была длинная коса, а во-вторых, имя у нее было какое-то еврейское (Трек 37). О том, что евреев убивают, все знали.

Пример 13. РИ еврейка и партизанка. Трек 38

Приходит соседка и говорит: «А они всех евреев порасстреляли». Сюда приезжали и тут расстреливали. Сколько порасстреляли не есть конца и края. Идиоты, ёбть, Господи прости мою грешную душу. Ну они пришли нас убивать, чего ж. Ну и мать приходит, говорит «Раиса куда хочешь иди» [...] Ну я, ну куда? А у нас [...] у матери сестра жила на Беловске. Это тут недалеко тоже, 12 километров хутор. Она говорит: «Ну иди Раюша к тетке. А иначе тебя расстреляют» [...].

РИ снова повторяет, что «они пришли нас убивать»; примечательно, что в число «нас» она включает и казаков, и евреев.

Пример 14. У тётки. Искра Божия. Трек 3

Пришла к этой тётке, а у ней семнадцать человек уже живут людей (с другого хутора. — АН). Ну деться некуда. [...] И тётка, и бабка у ней, свекровь, и мы там; и вот она тётка со свекровью спать на кровати, а мы семнадцать, и я восемнадцатая пришла, все на полу ночуем, [...] у кого есть, что постелить, у кого нечего, ну все равно. А виши у нас кипятъ вовсю.

А енти, немцы там, и готовят они [...] вот какие там на передовой, они возят им отсель, [...] от тётки возят. [...] Ну и всё

ж, глядишь когда и нам, у кого Божия искра есть, немцы, и нам какую-то ложку вольет («передовая» здесь не в городе — до города далеко, — а в другую сторону, у Клетской-Распопинской. — АН).

ПП никогда не объясняет поведение немцев, просто рассказывает, как было дело. РИ наделяет немецкого повара Божией искрой, которая побуждает его совершить человеческий поступок. Как мы увидим в истории ее отца, какие-то оккупанты могут и сами различить искру Божию в местных жителях (Пример 32).

А. Д. Нахимовский
Свидетельства
о войне и оккупации
в воспоминаниях русских крестьян:
две казачки под Сталинградом

Раиса партизанка

У Раисы вечно что-то происходит. Приходит вдруг тетка и говорит: «Рая, куда хочешь».

Пример 15. Разговор с жандармом. Трек 39

А я: «Куда ж хочешь, куда мне деваться?» А она говорит, встречается их, тоже, жандарм и говорит, у ней спрашивает, говорит: «У тебя племянница тут?» Она говорит: «Тут». «Она партизанка. Вот её не было тут, и к нам партизаны не ходили». А к ним правда, там недалёко передовая, партизаны заходят часто. «А к нам, — говорит, — ходят партизаны, и она с ними связана, больше тут не с кем, больше у них не к кому». Она говорит: «Да ты чего это?» А он говорит: «Мы расстреляем ее».

Тут появляется какой-то из «вакуированных» и говорит, что видели Раисину сестру, она живет где-то рядом, километров десять. (Отметим крестьянские расстояния — десять километров это рядом.)

Пример 16. Добрый румын. Трек 40–41

Ну я говорю, слава тебе Господи, я теперь значит туда уйду. А тётка говорит: «Пойдём к старосте, пойдём к этому, к румыну, и чтоб он дал нам эту, ну, проходную бумажку», у меня ж документов никаких же нет. Пошли. А он румын, вот всегда я говорю: «если он помер он, убили его, царство ему небесное, а если он живой, дай Бог ему здоровья» (Трек 41). А у него русская девочка, не знаю, помогает как она у них, как ли. Ну в моих годах она, и она щас мне взяла написала бумажку, чтобы мене не задерживали, и я пошла.

После недолгих поисков, Раиса нашла свою семью и уже осталась с ними до ноября.

Сравнительная оккупация-2: Евлампиевский. Работа и пропитание

Евлампиевский был в штабном центре с большой концентрацией войск и стабильно установленной жизнью, включая и повседневную работу. ПП непосредственно начинает свой рассказ так.

Пример 17. Работа под немцами (с. 616)

В сорок втором пришли в августе месяце немцы к нам, тут были до двадцать второго ноября. Ну немцы тоже заставляли работать. Мы ходили миндажи (блиндажи. — АН) рыли и окопы рыли. Чо скажутъ, то и рыли.

Здесь одним словечком «тоже» установлена преемственность с колхозной жизнью: заставляли работать без платежа и делать, что прикажут. ПП, однако, отмечает одно различие.

Пример 18. У немцев было немного по-другому (с. 618)

Ну у них, у немцев, не присядь, как у нас — поработал, сядь и сиди. Нет. Ты вот покопайси, постои и опять копайси [...]. И вот не садися, шо обычно как у нас: «Давайте отдохнём, давайте покурим», не-е. Вот копаешь, ямку выкопаешь, постоишь, опять вторую там ямку. [...] А он, часовой, ходитъ. [...] И вот так ковыряйся лучше, ты не спеши, а ковыряйся, а садиться не хочь, не-не-нет-кось. [...] Токо сядем: «Пан, пан, не-не-не-не-а»: копайтесь, копайтесь — часовой ходит. «Ну, — говорим, — копаемся, чо же».

ПП объясняет и новые условия, и как приспособиться к ним: садиться нельзя, но можно ковыряться медленно, сберегая силы.

В этом примере появляется точная историческая подробность: немецкие солдаты, говоря с русскими, часто употребляли польские слова, потому что перед вторжением в Россию они почти два года провели в Польше. Слова «матка-яйки-курки-млеко», известные из многих военных романов, это искаженные польские слова. ПП романов не читала, так что когда ее часовой говорит «пан, пан», это ее собственное историческое воспоминание. У РИ в Примере 26 появляется и противоположный случай: местный подросток, обращаясь к немцу, называет его «пан».

С темой работы неразрывно связана тема пропитания: как кормили? Приходилось ли голодать?

Пример 19. Кормёжка при немцах (с. 616)

И там какой хлеб остался, ходили граблями гребли, собирали, молотили там в одном дворе. Ток был, расстилаешь, молотилка была, с молотилкой гоняешь лошадь, а потом эту зерно сгребали граблями, вон там веяли руками. Ну потом там по котелку давали домой, што работаетъ.

Получается, что немцы кормили достойно: кто работал, получал к концу дня котелок обмолоченного зерна. Разрешали также собирать колосья с земли, за что в 1932 и 1948 годах в колхозе можно было получить большой срок. Все лучшее немцы, конечно, забирали себе:

Пример 20. Курка, яйки (с. 616)

Как идут: «Курку, яйки» — и всё это топором, варили, ели, всё позабрали. И коров резали, забирали всё. Там у нас в хуторе три коровы токо осталось, а хутор большой был. У каждого тогда коровы держали, редко хто не держитъ, старые такие сильно уж-то. Токо коровой и жили раньше, до войны (т. е. своей коровой, а не на трудодни. — АН).

Однако у ПП и ее семьи были и другие источники пропитания. В их доме поселилось немецкое начальство, а их самих переселили в «кухоньку», наверное, вроде гарнушки в рассказе РИ. Во дворе разгуливали часовые, и стояла походная кухня, где два немецких повара готовили для начальства и для всей части. ПП пересказывает необычный разговор с немецкими солдатами.

Пример 21. Настроения немецких солдат (с. 617)

А у нас тогда какой-то там старший стоял в хатке, и кухня стояла в дворе, немцы это готовили, часть какая-то там. И вот придут часовые в хату суды, зайдут и: «Гитлера в капут. Сталина капут. Всё, война капут. И мы бы к мамам, к папам поехали бы все, и ваши, и мы бы. А то война, война вот». Она видишь как. А мы сидим, отец и мать тут.

Это, кажется, единственное документированное свидетельство прямого признания немецких солдат в разговоре с местными жителями, что они устали от войны и хотят домой. Такие нарушающие стереотипы эпизоды ПП отмечает словами «Она видишь как», без комментария или попытки интерпретации.

Больше всего семья ПП общалась с немецким поваром. Похоже, что они подружились.

Пример 22. Добрый повар (с. 617–618)

А это мать пойдёт соли попросить, там один молодой повар такой был, он насыпуть в кружку консервную, дать. Глядишь, кусок хлеба дать. А хлеб был у них тридцать восьмого года запечённый, тридцать восьмой год штамп на хлебу. Ну хлеб такой вот не белый и не тёмный, не ржаной, размольный (из муки простого размола. — ЛК), помол такой был. Ну и сачки небольшие, може так, как вот щас сачки наши. То вперёд (раньше. — АН) у нас килограммные были, большие, а это вот маленький хлеб был. То с полсайки даст, а то сайкю даст. [...]

Вот чечевицу они варили. Энтот там старший, я к нему никада не подходила, а этот помоложе махнёт, скажет: «Давай, я накладу чечевицы». Ну мы рады чечевице. Вот накладёт банку, там эти вот от пасты это банки такие жестяны. Вот принесу — он накладёт полностью. И чаю скажет: «Давай, налью чаю». Я пойду, возьму там банку, стеклянных не было, какой-нибудь горшочек возьму, он мне нальёт литра три.

С этим поваром случилась уморительная история, явно вошедшая в семейную традицию.

Пример 23. Щи несолёные (с. 617–618)

Раз пошла мать (это свекровя), и соли он ей насытал в банку консервну. [...] Ну и значит приносить она соль ну варить туды-суды. Варит там, какой-то травы кидает, ну йисть-то надо чо-й-то там. А в печке русской в чугунке варили, на рогачах (на ухвате. — ЛК) пхали туды. Говорит: «Солила-солила щи — они не солонны. Уполюшка, покушай щи». А я говорю: «Мам, чо же щи будут солёны — они с сахаром». Она: «Как с сахаром? Ка-

кой же это сахар? Ты чо же?» — «Щи-то сладкие», — я говорю. «Он мне сахару насыпал, а я думала — соли, думаю: это же свежий соль, солю — они сладкие». Это заместо, она просила соли, он сахару дал.

У этой сладкой истории был горький контекст: уже в предвоенные годы в деревнях и провинциальных городах сахару просто не было. Вот что писала мать сыну на финский фронт 30 ноября 1939 года: «Вася у нас живется тихо ничего нет сахара нет живем без сахару 4-ай месец сейчас белова хлеба нет молоко 3 рубля литр мясо 15 руб. кг. картошка 8 руб. мера очень все дорого ись (есть. — АН) совсем нечего» (Зензинов, 1944: 294, письмо 10)⁷.

При стабильной работе и дружбе с поваром ПП жила в оккупации спокойно, кроме самого последнего дня, 21 ноября 1942 года, когда она пошла в гости на соседний хутор, а утром оказалась отрезанной от дома внезапным советским наступлением (см. раздел «Последние суббота-воскресенье»).

Повседневная оккупация: сопротивление и сотрудничество

Для Раисы война была полна приключений: семью выгнали из дому, жили в яру, потом пришлось бежать в одно место, потом в другое место, но особенно опасно не было. Для Пелагеи война была почти комфортной. Она даже сказала, что немцы «у нас в хуторе не слышно, чтоб бедой трусили» (что Касаткин глоссировал как «не слышно, чтобы беда от них была»). Касаткин, который молодым офицером прошел всю войну, не мог не спросить (один из редких случаев, когда он задает не языковой и не биографический, а исторический вопрос): «А немцы кого-нибудь убивали?» ПП отвечает:

Пример 24. Расстрел пленных офицеров (с. 620–621)

У нас нет. Ну этих, пленных, конечно, убивали. Ну я видать — не видала, а наших в плен забирали. Вот два у нас были, один — командир «катюши», а один — командир батареи. И чо-й-то там к нам в кухнёнку наладят побыть. Ну потом их вызвали: «Выходите». Уж это темнело — забрали их от нас. А те говорят: «Чо ж вы говорите, что командиры?» Они говорят: «Да чо нам, нам всё равно не придётся жить. За нас Богу молиться не будут, а мы правду говорим».

Здесь ясно проступает черта между «у нас» и пленными, и такое же, как у РИ, притяние естественного для власти насилия («плен-

7. Мы знаем о письмах на финский фронт, потому что зима была очень холодная, группы не разлагались, и финны собирали с них все документы, включая и письма из дому. Русский эмигрант Владимир Зензинов, который был журналистом парижской газеты в Финляндии, собрал коллекцию писем и опубликовал их в Нью-Йорке как приложение к своей книге (Зензинов, 1944; подробнее см.: Nakhimovsky, 2020: ch. 3).

ных, конечно, убивали»). Что в точности сказали пленные офицеры, подтвердить невозможно, но логика события понятна: среди пленников были два офицера; они признались, что они офицеры; кто-то спросил у них, зачем они признались, и они как-то впечатлили всех своим мужественным ответом. Их расстреляли; их кости были найдены на следующий год. Для ПП это никак не противоречит тому, что «у нас в хуторе» немцы ничего плохого не делали.

Расстрелы в Распопинской. Жандармы и партизаны

В Распопинской расстреляли не пленников, а своих хуторян. РИ рассказывает о четырех молодых парнях. Один из них был предатель, сын жандарма. (Вместо «полицай» РИ говорит «жандарм», возможно, потому, что так они назывались в румынской зоне оккупации.) Про этого человека она говорит «ну он на жандарма и похож» (Трек 30: 1.26), а немного дальше называет его «наш паразит идиот-предаватель» (Трек 32) — единственное ее суждение против коллаборантов. Трое других были оставлены советскими властями наблюдать за немцами. Они учились с Раисой в школе, один из них был секретарем комсомольской организации. Предатель увидел у комсорга гранату, донес немцам, те пришли и его арестовали. Когда его вели, он попытался бежать, его застрелили.

Пример 25. Комсорга арестовали, пытался бежать, застрелили. Трек 29

И взяли его, погнали. 41 И вот сюда когда речку перяшили мост, перяшили, а он задумал убежать, этот секретарь-то, задумал убежать от них. И повернулся, только побег, и на горОд, там горОды, а он на горОд прыгнул, думал от них-то убежёшь — от них-то убежёшь, от пули-то не убежёшь. Они его бах и убили его, застрЕлили. А эти двое ребят остались.

Раиса замечает, что эти двое ребят, Петя и Сережа, вели наблюдения, подсчитывали проходящие танки. Их вскоре арестовали по указке жандарма. Мать Пети, Васильевна, была близка к семье Раисы; «мы всегда за одну семью», — говорит Раиса (Трек 36). Много из истории их расстрела, наверное, услышано от нее.

Пример 26. Как расстреляли двоих ребят. Трек 33

И Васильевна приходит, [...] а ей говорить: «Васильевна, [...] а Петьку твоего повели немцы» [...], рассказали ей, куда повели. Она [...] побегла туда. 26 Подбегает, а их уж выводят с допроса, значит немцы допросили, их уж выводят с допроса, одного и другого, обеих, руки назад, все они в крови уж, поизбитые, немцы поизбили. А он глядь, мать-то бежёт, а он шумить: «Вернися. Прощай, маманя». Так она на что уж такая она была [...] твердая за советскую власть она была всегда. Преданная. И у них отец такой, и она. И она побегла следом. 1.03 А он шумить: «Не ходи, а то и тебя застрелЯть». И она вернулась. Вернулась и значит обошла кру-

гом и пошла им наперед, а их повели в сады, ребят, расстреливать. Привели их в сады. А мать вот [...] главное она слышала их разговор — видать она не видала, как их это [...] там, загорожено, а слышать, что сын то ее разговаривает. Вот они значит стали рыть могилу, заставили их рыть могилу себе. И они начали рыть. А он говорить немцу: «Пан, не стреляй меня, я ни в чем не виноват». [...] вырыли они яму, и раз-два, мать говорит я не знаю сколько раз они стрельнули. Как раз раздался выстрел оттель, из-за Дона. Наши стрельнули туда, к этому саду, и недалёко, и не слышала она, как [...] `расстреляли его. Ну слышала, что расстреляли, и они, немцы, прикопали их в этом яру, какой они выкопали, и пошли. И она, Васильевна, приходит туда к бабам и говорит: «Бабы, немцы расстреляли Петьку моего, Петьку и Сержку».

И не закричала, и не закричала, и вот это не далась; говорит: «Ну значит его доля такая» (Трек 34: 0.16).

Позже в тот же день вдруг приходят немцы, ищут Васильевну. (По-видимому, был приказ арестовывать семьи партизан.) По рассказу РИ, немцы угрожали расстрелом, если не скажут, где она, но все промолчали. Когда немцы ушли, Васильевну из дома выгнали, велели немедленно уходить. Ночь она провела в высоких зарослях табака. «Тогда табак сеяли каждый в своем дворе, и табак разбольшой был» (Трек 34: 1.40). «Дали ей туда какую-то пальтушку...» (Трек 34: 1.54).

Муж Васильевны был дома. Ему сказали, что Петьку расстреляли. Утром Васильевна и ее муж находят друг друга, с помощью того инвалида, который был писарем у немцев.

Пример 27. Одноногий коллаборационист помог. Трек 34

Дед там, она тут, 0.12 и вот благодаря этого-то — парень, какой немца спас; его забрали же, он у них у немцев пишет там чего-то помогает — а он был, свои ж мы расопинские, не все ж аспиды. Он ищет эту Васильевну, бабуку. [...] Он пришел, а они бабы говорить «она вот тут вот в табаке лежит». Он пошел, нашел, с одной ногой, пошел-нашел, и говорит: «Васильевна, уходите с дедом завтра». (РИ перебивает себя, обращается к ЕМ, потом обновляет рассказ. — АН.) Вот она, значит, Васильевна лежит в этом, в бурьяне. А он говорит: «Васильевна, уходите раньше, утром раньше уходите; вас расстреляют. Петьку расстреляли, [...] а теперь будут расстреливать вас, вы как партизане тоже».

В самой рискованной части этого отрывка, рассказывая о добром поступке предателя родины, РИ вдруг резко прерывает себя и обращается к Елене:

Пример 28. Может этого не надо?

РИ: Это может не надо вам было бы?

Елена: Надо, надо; ага.

РИ: А то може я рассказываю, а може... Или вам это самое надо? Вот я думаю вам вот это самое надо, вы не из-за чего-то, не из-за новостей каких-то — настоящих надо.

Елена: Да, да. Настоящих.

Раиса: Ага. (*Возвращается к рассказу.*)

РИ, по сути дела, утверждает, что она рассказывает «настоящее», и спрашивает: «Может не надо?» Получив подтверждение, она продолжает, как в предыдущем примере. Много позже, в другом рискованном отрывке, она снова прерывает себя и высказывает свое кредо еще более отчетливо.

Пример 29. Самое главное для РИ

...и столько у нас пленных тогда гнали тут каждый день, пленных гнали — я еще вам про это расскажу, мне хорошие (слушатели. — АН) попались, я всегда всем рассказываю, и мне так хочется, чтобы все знали. Брехать я не умею, не люблю, а вот правду рассказать, и чтоб мне и после кто-нибудь вспомнУл, скажут: «Бабка нам рассказывала».

Вскоре Васильевна встречается с мужем. Оказывается, у Петьки как у партизана было в подвале сложено много оружия, и немцы его нашли. Так и выясняется, что Петька был серьезный партизан, хотя он был Раисин ровесник, в одном классе учились, и значит, ему было 16 лет. Удивляться этому не приходится: взрослые все ушли на фронт, остались дети-подростки и старики, такие как отец Раисы и дядя Семён.

Первый старик: отец Раисы

Отец Раисы, ветеран Германской войны, был смелый человек, не побоялся зарезать кабана, которого требовал себе немец. С такой же независимостью он игнорировал некоторые распоряжения властей.

Пример 30. О молитве с врагом. Трек 43

...в праздник, так румыны обязательно, поп выходит и собирает всех хуторских, и значить начинают молиться, и нас всех гонют молиться. А отец у меня — все бабки-то, они ж богомольные, идут молиться, а отец нам: «Не ходите!», да как свяжется ругаться. [...] а одна говорит: «Как же, сват, надо, надо Богу молиться», а он: «Ах так твою разтак, молиться идёшь — они румыны молятся, говорят, «Господи, чтобы нам врага побить, победить». Он им то враг, а мне он дитё родный. 1.45 А ты идёшь Богу молиться». (Смеется.) И бабку-то начнет матить. [...] Ну он не ходил, и нас редко когда пускал, отец, когда подневольню.

Искра Божия

Отец, в отличие от богомольных бабок, четко понимал границу с врагом. Но как и у Раисы (вернее, у Раисы, как и у него), при встрече с отдельным человеком в беде моральные правила были другие.

А. Д. Нахимовский
Свидетельства
о войне и оккупации
в воспоминаниях русских
крестьян: две казачки
под Сталинградом

Пример 31. Загадочный человек в доме у РИ. Трек 46

...у нас мать моя встаёт — всегда варить начинает для всех. Дрова приготовит ту все, ага, и мать затопила печь [...] и поставила воды, ны там чего варить какой суп [...] а ни соли нет, ничего, ну какая-о водичка [...] Ну, начала варить. 31 Двери открывает, влазить или наши, вот я до сих пор не знаю, или он наши, или он немец, и никто не знает, так мы и не угадали (поняли. — АН). А он, золотая кольцо у него; одежда у него такая, ну военная [...] а сам он росист, чисто говорит по-русски. Вот он вошел, значить, я лежу — это мы с сестрой и вот братишки значит на мешках лежим, 1.03 а отец лежит мой на кровати. Он вошел, и у него ничего нет, никакого оружия, а он видно летчик. [...] А отец мой, он был на войне, он знает это чего такое — и говорить: «Бабка, скорей дай горячей воды. Скорей дай кусок хлеба и горячей воды». Он его не знает, этот его не знает, кто он есть, но он человек, он живой. [...] Мать кинулась ему горячей воды почерпнула и дала кусок хлеба. И он съел этот кусок хлеба и воду эту выпил.

Пример 32. Тут приходят румынские солдаты. Трек 46–47

А по двери как ДАЛИ, и отворили, и румыны вот. И наставили на нас сюда все оружие, два румына, и ружья чего-то наставили, мы как заорали, 1.53 эти все детвора, как там заорали, нас много, как заорали, каждому свою жалко [...] Потом значить он — вот почему, если он не наши, если он немец, почему он руки поднял? Или так надо? 2.13 Почему он им сдался? И он быстреньки руки вот так вот поднял, а они его вывели — сказали: «Выходи». Он вышел, и они поговорили, а отец мой ляжить, как говорить, вот не в кальсонах ляжить 2.29 на кровати-то. А он, [...] один румын подходит и говорить: «Дедушка, выходи». И отец-то вышел; и отца значить хочет забрать. Мы как заревели по нём, по отцу.

Трек 47 [...] 10 Ну а потом они значить постояли румыны, поговорили, и видать им этот — он наверное немец — он им не завелел его брать. Он же, отец, сразу ему говорить, сразу от: «Дай ему горячей воды» — а он скажет: «У него Божия искра есть, его не надо брать». И вот они не взяли отца-то. Может поэтому не взяли, что он не велел. Но я так и не знаю. Главное он, у него, на нем были перчатки такие вот, обыкновенные, наши, как, эти, мы в казаках какие вяжем, 39 перчатки такие были тёплые.

Загадочный незнакомец был, вероятно, хиви⁸. Для отца РИ это было совершенно не важно: перед ним был человек, живой и оче-

8. Хиви — добровольные помощники вермахта, набравшиеся из местного населения на оккупированных территориях СССР и советских военнопленных. Первоначально они служили во вспомогательных частях и подразделениях механиками, кучерами, грузчиками, саперами, санитарями, в похоронных и спасательных командах, доставляли на передовую боеприпасы и т.п. Позже хиви стали привлекать к непосредственному уча-

видно изможденный — ему надо дать хлеба и горячей воды. Незнакомец оказался значимой фигурой (а значит, решила Раиса, наверное, немец): он велел румынам не брать отца, потому что он видел, что у отца «Божия искра есть».

Конец оккупации в Распопинской

С наступлением холодов отец начал ожидать наступления советских войск.

Пример 33. Как услышать приближение битвы. Трек 37
...он утром встает сразу рано и бежит на речку. А нет — ночью. И приходит и говорит: «Скоро наши придут». 0.26 А сваха, она такая падла, и вот она сваха говорит: «Не ходи, а то через тебя и нас расстреляют». [...] И ругаются с утра до ночи. Вот он говорит: «Стрелять начинают наши. Наши начинают готовиться». Ну он служил, он то знает. [...] и начинает рассказывать, как готовятся и чего готовятся, и как гремит. Он значит ложится на землю 1.22 а земля начинает твердеть, и далёко слышно.

По рассказу РИ, предсказание отца сбылось именно в тот день, когда появился непонятный не то русский, не то немец. Вечером того дня, «как завоевакались эти румыны, как завоевакались, заорали дурным голосом (Трек 47: 1.09). Говорим: “Ох Господи, да это что ж что такое, что за страсть”. (Вздыхает.) Ну и все. Утром встали, нигде ни одного человека нету (Трек 48). Ни одного румына, ни нашего, военных никого нет». Немного дальше она повторяет (с оговоркой) (Трек 49: 1.47): «Никого в хуторе нет, ни наших, ни русских, никого (поправляется. — АН) ни наших, ни немцев, ну никого. Без господ». То есть «наши» тоже как бы господа.

Отец, который первым предсказал, теперь первый и услышал входящие советские войска (Трек 50): «Отец говорит: “Наши идут”. Папа, да ты почему узнал, что это наши. “Да они в Бога ругаются”». Так для РИ закончилась оккупация. Вскоре из ближнего яра начали выходить и сдаваться румыны.

Последние суббота-воскресенье в Евлампиевском

Если у РИ оккупация была трудная, а конец легкий и быстрый, то у ПП получилось как раз наоборот.

Хутор Малый Набатов, ныне заброшенный, стоит в 12 км на юг от Евлампиевского, на восточной стороне Дона, ближе к Голубин-

стию в боевых действиях, военных операциях и к так называемым «карательным» акциям.

ской. Там жил мужчина по имени Егор, которого почему-то не взяли в армию, скорее всего, по здоровью. Однако у него хватило здоровья посвататься к родственнице ПП, которая пригласила ПП на предсвадебную вечеринку. Она пошла, вместе с крестной матерью дочери.

Пример 34. На вечеринку в Набатов (с. 621)

Раз пришла с Малого Набатова одна там родня и говорит: «Пойдёмтя, я ноне вечер делаю, замуж за Егорку выхожу». Бабушка, моёй дочке крёстная: «Пойдём, — говорит, — кума, пойдём». Ну я отпросилась у старых, девчонку свою оттуда к маме отнесла и пошли с бабушкой. Ну идём, сюда из Набатова идёт дорога, а туда выше немцы поставили мост. Ну вот и мы идём по дороге. [...] Немцы тут в Набатов едут на мост, ну на Волгоград туды едут, и нам перейтить никак нельзя было: машины почти за машиной идут вот так. «А куды, — говорим, — эти машины? Немцы уезжают, кто их знает? Наверно, ближе к Волгограду туды». Вот знаем, что Волгоград бьют же, слышим так вот. [...] Ну подождали, постояли там минут пять, недолго, машины, народ перервались, и мы пошли.

Мы можем точно датировать эту вечеринку: суббота, 21 ноября, третий день операции «Уран». А Бивор подробно описывает, как даже и утром 21-го в штабе Паулюса в Голубинской не представляли себе масштаб операции⁹. Румыны уже несколько раз предупреждали, что советские войска собираются начать массивное наступление, но предупреждения не сбывались, и на них перестали обращать внимание. Между тем в Набатове вечеринка прошла мирно.

Пример 35. Предсвадебная вечеринка и следующее утро (с. 622)

Ну там этот вечер подошёл. Там посидели, [...] молодёжь кликнули, там один пришёл с балалайкой, поиграл. Уже поздно, в ноябре девять часов — тёмно. Там немцы до девяти часов, больше девяти не разрешали ходить. [...] А тут живёт там моя двоюродная сестра, она говорит: «Пойдём ко мне ночевать, а то тут негде». Бабушка осталась у них, а мы пошли. [...] Ну она отомкнула свою дверку, мы и зашли, огонь не зажигаем [...]. А в окошко-то (там и окошечки такие-какие маленькие, не было стекла доброго, это до немцев как мы жили) глядим: куда же немцы идут отсюда, с горы как будто с Евлампейской, идут сюда мимо их (они тут около дороги живут недалёчко). Одна партия, человек пятнадцать прошло с ружьями [...]. Глядим, ишо партия идёт. Партии три или четыре мы проглядели. Не спим, чо ж такое? [...] Ну давай спать ложиться. Улеглись спать. Утром она раньше встала, а я-то лежу ишо. Гляжу,

9. «Sixth Army headquarters, twelve miles north of Kalach at Golubinsky, seems to have started the morning of Saturday, 21 November, in a relatively optimistic mood» (Beevor, 1998: 285).

бабушка идёт и мне: «Пойдём домой». А ише до солнца. Я говорю: «Что такое сделалось, что домой?» — «Да русские-то в Голубинке, а эти все отступили, все хуторяне, какие там, отступили [...]». А отступали туды в лес в свой голубинский. Ну эта старая, я молодая, вот ну пошли.

Дорога обратно в Евлампиевский глубоко запомнилась ПП — рассказ о ней занимает больше двух страниц. Сначала они пошли той же дорогой, по которой пришли, но попали под обстрел. Они вернулись, спустились с холма, пошли вдоль реки — там тоже стреляли. В какой-то момент из окопа вылез русский уже офицер и объяснил, как пройти, чтобы русский пулеметчик их не застрелил. Они пошли, как он велел, и пришли к себе в хутор. Примечательно, что ПП не очень разбиралась в том, как были одеты разные войска. (*«Из окопа вылез какой-то в форме и объяснил...»*) Касаткин вынужден спросить: «А это русский был или немец?»

У себя в хуторе Пелагею глубоко впечатлила новая советская техника.

Пример 36. Обратно у себя. Военная техника (с. 624)

Тут уже, мы пришли, тут русские стоят. Тут «катюши» стояли, как раз мы шли, на дороге. А мы не знали. [...] А до этого машин мы не видали русских. Тут как когда до немцев [...] на лошадях это видала там, ехали, а такого не было сильно машинного транспорта. Немцы когда прошли, ой! Как шло это транспорт там всякого сорта, думаю: «Иде же нашим тут?» Наши на лошадейках, а это чо там?! А когда уж немцев отбили, как наши пошли, о-о! Мы все глаза повылупили. Думаю: «Де же наша вперёд-то была такая?» [...] Всяких сортов там было, когда немцев отбивали, гнали это на Сталинград суды. Видишь же, как получается: то машин не было, а то машин много было.

О румынах

Румыны держали фронт в районе Распопинской и, кажется, никому зла не делали. Румынский начальник дал Раисе пропускной документ (Пример 16), а румынские попы звали селян на молитву (Пример 30). Единственное от них насилие было, что они отнимали у проходящих селян еду. РИ упоминает несколько таких эпизодов. Один из них закончился неожиданно: румын побежал за Раисой, чтобы отнять еду, а она остановилась, повернулась и ударила его. *«Може он голодный был. Я его как чеханула, он отлетел от меня, и вот он у меня ничего не успел, а я убегла»* (Трек 38).

Когда румыны начали сдаваться в плен, Раисина семья зла на них не держала.

Пример 37. Пленные румыны. Трек 51, самое начало

Потом минут через пять, через десять, но скоро, начали из яров выходить румыны. И подходят все оружие бросают, под-

ходят все оружие бросают, и все. (14) Сдались в плен. Страшная страсть, разомного-много. Ну они ж тоже, они ж тоже призванные, они ж тоже подневольные люди. 28 Хоть какие они, они ж подневольные люди. О вот гонюль их, с.35 [...] 1.01 И вот идуль, идуль они, а отец взял там каких-то кусочков и все и румынам раздает, и нашим раздает, и румынам раздает.

Здесь можно вспомнить рассказ Л. Лунгиной о том, как летом 1944 года по Садовому кольцу гнали пленных немцев: «Почерневшие, исхудавшие до костей лица, впалые щеки, темные круги под глазами, тяжелые, ужасные взгляды. [...] Тащились с трудом, одни еще пытались как-то держаться, другие, без сил, сгибались пополам от холода и боли... Это было жалкое зрелище, но я запрещала себе их жалеть и повторяла про себя, что они-то никого не жалели. И тут я увидела то, что поразило меня больше всего. Какие-то старушки, сухонькие бабки, похожие на черных мотыльков, подходили к колонне пленных и протягивали им куски хлеба. Вы представляете себе, как не хватало в войну хлеба, — то есть старухи отдавали долю от своего скудного, ничтожного пайка. Те отшатавались, не понимая, чего от них хотят. А старухи, крестьясь, настаивали, чтобы они взяли. И еще какие-то женщины протягивали кружки с водой» (Лунгина, 2009: 175).

Примечательно, что в рассказе РИ дар сочувствия проявляется у мужчины, ветерана Германской войны, который часто показан как образец мужества. Мы, конечно, не знаем, как он отнесся бы к пленным немцам, но немцев Раиса и ее семья не видели. Немцы сдались позже, после двух зимних месяцев в окружении в степи под Сталинградом.

Румыны в Голубинской

ПП видела румын только перед самым концом оккупации, во время своих блужданий под обстрелом. Это, очевидно, была какая-то румынская часть, которая в начале советского наступления бежала с фронта в сторону штаба и сосредоточения немецких войск.

Пример 38. Румыны около Евлампиевского (с. 622)

А когда мы шли, вернулись в хутор в Набатов, там прошли низом об речку, а потом в хутор суды по дороге спушли, а уже тут немцев нету, а тут румыны стоят. А мы до этого не видали румын, потому что у нас чистые немцы (только немцы. — АН) в хуторе стояли. Не в Голубинке, а в Набатовом, и в Малом Набатовом, и на Евланской там чистые немцы стояли. Ну и вот это когда идём, румыны стоят, человек тридцать, большие ли, стоят так курагодом, и мы по них вот так проходим, нам их не обойтись. [...] Суды ишо подошли, [...], тут площадь, тут тоже румын стоит много.

В следующий раз Пелагея видела этих румын уже пленными.

Пример 39. Судьба румын (с. 625)

А когда наши захватили, порасселили, как они там питались, кто кормил, я этого не знаю. А токо мы ходили в Набатов, это было в январе-феврале, в этих месяцах уже сорок третьего года. Вот идёшь в Набатов там по каким-то делам, а они — умрёт румын, они его за шею верёвками и тянут по дороге. Они сами еле ходят, человек пять их тянут. И там были окопы в конце хутора, и туда их складали. Это зимой всё же там они не закапывались, а потом весной уж кто их закапывал? Там эти набатовские говорили, что «мы закапывали, чтобы запаху-то не было и шоб не воняло же».

Согласно ПП, у пленных румын и немцев судьба сложилась по-разному: немцев куда-то увезли, а румыны где были, там и остались, кажется, не очень долго.

Пример 40. Окончание румын (с. 625)

А это в каком году, точно не скажу, ну сюда, наверно, в семьдесят восьмым, девятым ли, восьмидесятым ли я тут работала, вижу: возють там наши люди эти мослы, суды складали (вот туф-то выбирали). А я говорю: «Тут же не немцы, а румыны, немцев тут не было, ни одного немца не оставалось в плену, а румыны вот оставались». Но они тут мало что живых осталось, повымерли то с голоду, то позамёрзли то, чо неоплёные. Там школа большая была забитая, потом тут клуб был, у нас вон сельсовет раньше, потом магазин был — это всё румынами было позначено. А он не отапливается, иде там дров? Помёрли, да и с голоду поумёрли.

Второй старик: дядя Семён

Сразу после истории про румын ПП дорассказывает и историю про дядю Семёна. Дядя Семён, как и Раисин отец, предугадал конец оккупации, но для него это событие означало нечто совсем иное. После добрых воспоминаний о дяде Семёне в начале повествования, его дальнейшая судьба может удивить читателя, хотя, конечно, ничего лучшего нельзя было ожидать: он согласился быть старостой в Евлампиевском.

Пример 41. Коллаборационисты (с. 620)

Дед Семён неплохой был, хороший так людям всем. Он всё же кое-что понимал по-немецки, а мы-то не понимаем. [...] И когда тут собрали хутор: давайте старосту назначим, да и полиция назначим старшего, да ишо полиция моложе, все мы говорим: «Деда Семёна старостой: он знает немецкий язык, уж чуть чо-то будет понимать». Ну и вот. А там ишо других, што такие остались, потом што пленные попришли домой, их там поназначили. Ну там молодых таких не было, постарьше были. И вот видишь как вот.

Как всегда у ПП, «И вот видишь как вот» означает некоторую неловкость. Именно в этот момент, как бы желая оправдать дядю Семёна, ПП и говорит: «А немцы вот у нас в хуторе не слышно, чтоб бедой трусили».

С приближением зимы дядя Семён понял, что надо как-то спастись. Он живо предвидел, что с ним будет, если он попадет в руки наступающим солдатам, которые только что пережили сражение в Сталинграде. Благодаря его уму и способностям он оказался единственным в округе старостой, который уцелел.

Пример 42. Правосудие и месть. Судьба дяди Семёна (с. 625)

А при немцах дед Семён говорить: «Если останемся, наши придут — сразу побьют нас, постреляют. Давайте отступим». Ну и отступили. Он пришёл, дед Семён, уж через неделю, больше пришёл домой. Но тут же как шило в мешке не утаишь, милиция сразу забрала его. Он начал говорить туды-суды вот: «Я хучь старостой был, я добра делал людям, много хорошего, все подпишут. А ишо, — говорить, — у мене партизаны были, я их кормил там сообщал». А это правда, одних партизанов пара у него жили. [...] Ну он говорит: «Вот найдите, спросите у них». Всё же они искали, всё это проверяли, ну одних нашли, уж я точно не скажу, или всех [...]. Ну он долго сидел (т. е. дядю Семёна не расстреляли, а дали долгий срок. — АН).

Иде-й-то тут в Песковатке ли порасстреляли, под Дмитровкой. Там выбор шёл: кого на фронт, кого туды-суды, кому там пять лет, кому десять лет дали за нас. В Малом Набатовом старосту убили, в Набатовом убили, да тут везде поубили старостей, пришли и всех поубивали наши русские. А вот он отступил, и потом он сидел. [...] Вот у нас в округе он один остался староста живой. А эти не отступили, их сразу забрали и побили.

А вот он пришёл, и сын погиб у них в войну, а ему, батьке, на него пенсию не давали. А последнее время стали ему давать, уже после уж, через скоко годов.

Как Хемингуэй, ПП упаковывает большое содержание в очень немногие слова. Дядя Семён выжил, но получил долгий срок. Отсидев, он вернулся, но остался пораженным в правах, ему не дали пенсию за погибшего на фронте сына. Только в недавние времена стали давать.

Несколько слов спустя ПП заканчивает свою историю. РИ однако продолжает.

Раиса после войны

Вначале Раиса работала в сельсовете секретарем, но вскоре ушла и стала работать на пашнях. «Плохо нам было, трудно, на пашнях мы день и ночь на пашнях, с пашнях нас не пускали — заберут нас весной на пашни, и едем мы на пашни» (Трек 53: 16). Почему она оставила легкую секретарскую работу?

Пример 43. Секретарская работа. Трек 53

...я работала, да и работала бы, но вот не хочу, что матеря приходят и кричать, кричать, ну ноне похоронные, завтра по-

хоронные, у некоторых по два раза были похоронные, они же все жалкие, идёт она, или мать, или жена, идёт за этой за похоронкой, а сама кричит по мертвому, и откель она кричит не один раз. Мне стало плохо.

Сама Раиса долго не слышала о брате. Наконец от него пришло письмо.

Пример 44. Новости о брате. Трек 53

...брат пишет: «Лежу в Москве в госпитале». Почти уж как не год. Ничего не слышит. 1.08 Всё такое, всё сделают. А он нам фотокарточку прислал, и расплохой-плохой, лежит и говорит: «С продуктами у нас очень плохо». Ну и у нас какие были деньжонки, я себе собираю, мать себе собирает, сестра тоже собирает, и загребли ему, все туда поотослали все, и он у нас в Москве и был, и вот он наверно там и помер. 1.31 Его нету у нас. Годов пять или шесть он так в Москве был. Я и разыскную писала, так и не нашли, никто мне ничего не ответил¹⁰.

Однако была и счастливая минута: вернулся муж сестры.

Пример 45. Вернулся зять, ничего не принес. Трек 53–54

1.47 ...война кончилась, кто идёт с войны, он щасливый, а у кого вся семья и нету. И всех бегём, всех встречаем всех. У нас зять был тоже, он в плену был. А потом, когда их освободили, а он пришёл домой, а я на пашнях была, а я его так жалела страшно, 2.06 ...это вот он нам брат родный. И я на пашнях была, говорить: «Раиса, это, пришел Кирилл ваш». А я испугалася, я говорю: «Я побегу» (Трек 54). Они: «Никуда не бегай, что ж ты работу то бросишь?» — скаже. А я говорю, там загоревала там: «Я пойду, Кирилл пришел», а они: «Не ходи», заругались, а я говорю: «Спасибо» (цитирует с насмешкой. — АН). «А он ничего еще не принёс», а тогда с Германи-то несли всё. Я говорю: «Нам ничего не надо. Нам ничего не надо. Он пришел — Слава Тебе Господи, Слава Тебе Господи. 21 А штаны и рубахи как-нибудь в жизни справим».

Сразу после этого РИ подводит итоги, обращаясь только к женщинам.

Пример 46. Итоги. Трек 54

И вот такие девочки жизни. Жизнь дюже страшная. Не дай Господи войны. Я ничего сейчас не боюсь, я ничего не боюсь, я страшно боюсь войны. Она страшнее всего в мире, я вот, ничего мне было, лишь бы не было войны. 54 Это самое-самое страшное. Самое страшное. Я опять смерти — вот в наши годы умираю помирать не так страшно. Но то в ваши годы умираю! — не дай Господи. 1.06 И прямо глядеть смерти в глаза. Спаси да сохрани Господи от такой страсти. 1.12

РИ готова уже закончить свой рассказ («Ну давайте трошки отдохнём. 1.16 Вы может поедите? Давайте хоть арбуза поешь-

10. О трудной судьбе советских ветеранов войны-инвалидов написано много (см.: Edele, 2006 и ссылки).

те. И отдохните. Давайте. У меня, я больше ничего» (Трек 54: 1.23), но Елена начала ее расспрашивать о замужестве, и РИ, вначале как бы неохотно, завелась на еще один рассказ, в котором неожиданную роль сыграл и ее отец.

Остальная жизнь Раисы

Пример 47. Как вышла замуж. Трек 55

У нас видите как — не так как... (не так, как в городе. — АН). Вот вышел ты замуж — будь добра жить. Хочешь ты, не хочешь. Я не хотела за него замуж выходить. Он был моложе меня на год. Александр. [...] У нас молодежь-то всю выбили. А это (поколение. — АН) осталось, и вот когда — я не хотела за него выходить, а отец с матерью сказали, что он расхороший-хороший, и свякровь добрая. И всё, они меня ни хрена не спрашивались. И я покричала-покричала и пришла в эту хату жить.

Начало не очень обещающее, но дальше было хуже.

Пример 48. Замужняя жизнь, первый год. Трек 55–56

А потом сидим мы один раз — ну я уж наверно беременная была. (Трек 56) И пришли, он пришел с работы у мене, а я тоже работала, я дояркой работала тогда. [...] И вот мы с ним обедаем, обедаем с ним. А он мне чего-то рассказывает. А я сижу да говорю: «Брешешь». 18 Ну я просто сказала по-товарищески, мы играли вместе. Я просто по-товарищески: «Брешешь ты». 24 А он разворачивается, как даст мне по морде. Аааа, ну раз ты по морде меня вдарил, надо уходить. Чего я теперь буду жить, буду я с тобой жить, ага, ты меня будешь бить, а я буду жить. Вот я, в этой хате сидели, у той двери [...]. Я встала, он за мной и еще меня раз вдарил. А, ну и зачем я теперь буду жить? Я говорю, это чегой-то? Это всё! Ну я собралась и пошла. 54

Раиса пошла к отцу.

Пример 49. Поучение от отца. Трек 56

...он детей страшно жалел, сроду никогда ни одного не вдарил и не зашумел ни на одного. Он всегда бывало скажет: «Я щас скажу матери» — отец. Ну матери скажет, значит мать быстренько отлупит, безо всякого. (Смеется.)

Я прихожу, кричу. [...] 1.29 «Чего кричишь?» А я говорю: «Да я с двора ушла». «А ты чего себе ушла?» [...] А как я скажу? (Смеется.) А он говорить: «Говори. Говори, как... почему ты ушла». [...] Вот он взял эту щаплю (лопатка для хлеба на длинной ручке. — АН), [...] говорить: «Говори». (Раиса рассказывает. — АН) И он как лупанет меня этой щаплей. 2.03 «Я тебе покажу как мужу говорить “Брешешь”. Это ктой-то мужу говорить “Брешешь”! [...]» Он меня раз и другой стебанул. Говорит: «Я тебе, я тебе язык оторву, если ты будешь... повторить это, чтоб ты мужу сказала. Мужу ни в коем случае 2.25

Ну, против когда если чего сказал (т. е. не согласиться можно. — АН), но «брешешь», или там, значить, заругаться, ни в коем разе, это муж. 2.33 А я говорю: «Так это как святой». А он показал вот это и говорит: «Еще говорит дам». «Папаня, ты нас никогда не бил». Он говорит: «Вот так. Боже спаси мужу говорить».

Это, напомним, тот же отец, у которого нашлось сочувствие поделиться кусочком хлеба с румынским пленным. В общей сложности у РИ ушло 300 слов, чтобы рассказать об их разговоре. Для мужа у нее не нашлось ни одного слова. Рассказ обо всей остальной жизни уместается в следующие строки.

Пример 50. Остальная жизнь. Трек 56–57

И вот я с ним прожила — ну я с ним прожила восемнадцать лет только — его убили. (Трек 57) Наши распопинские. И вот, и я осталась одна. И так нехорошо, и так не славно. А у меня пятеро детей было. Самому старшему было 15 лет, а самому младшему год. И вот я одна с ними с пятью детьми, пятерых детей воспитывала. А теперь я осталась одна. Все у меня дети поженились. Все у меня дети хорошие.

РИ родилась в 1925–1926 году, вышла замуж вскоре после окончания войны, в 1945-м, и прожила с мужем 18 лет. Выходит, что ей не было еще и сорока, когда она осталась одна с пятью детьми.

Заключение

Если есть что-то новое в этой статье, оно пришло из рассказов Пелагеи Петровны Романенко и Раисы Ивановны Прониной, которым сейчас было бы почти 100 лет. Их родители — доколхозные люди, которые успели им передать традиционный крестьянский уклад, со всем его богатством и убожеством, жестокостью и добротой. Они также им передали традиционный диалект и манеру повествования, которые стали быстро меняться после коллективизации и войны. Следующие за ними поколения жили, думали и рассказывали по-другому. Между тем в России еще много случайно уцелевших повествований, которые тоже могли бы поведать что-то еще неизвестное о нашем прошлом. Хотелось бы надеяться, что какие-то из них найдутся и расскажут свои истории.

Библиография

- Бердинских В. А. (2011). Речи немых. М.: Ломоносов.
Бердинских В. А. (2020). Воюющая Россия. Что мы помним о войне? // Знамя. № 5. С. 5–20.
Виноградский В. Г. (2009). «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ.
Виноградский В. Г. (2012). Протоколы колхозной эпохи. Саратов: Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ.

- Виноградский В. Г. (2017). Голоса снизу: дискурсы сельской повседневности. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС.
- Голоса крестьян (1996): сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. и обработка. Е. М. Ковалев. М.: Аспект пресс.
- Гольдин В. Е. (1997). Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та.
- Дробязко С. И. (2004). Под знаменами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М.: Эксмо.
- Зензинов В. М. (1944). Встреча с Россией: Как и чем живут в Советском Союзе: Письма в Красную Армию, 1939–1940. Нью-Йорк.
- Касаткин Л. Л. (2017). Избранные труды. Т. 2. М.: Изд-во ЯСК.
- Качинская И. Б., Малышева А. В. (2019). Народная речь в Национальном корпусе русского языка // Русская речь. № 4. С. 103–118.
- Ковалев Б. Н. (2011). Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия.
- Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. (2011). Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17). М.: Изд-во РГГУ. С. 359–367.
- Лоскутова М. В. (2002). Устная история: методические рекомендации по проведению исследования. СПб.: Изд-во «Европейский Дом».
- Лоскутова М. В. (2003). Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2003. С. 5–31.
- Лунгина Л. З. (2009). Подстрочник. М.: Астрель.
- Нахимовский А. Д. (2021). Устная история снизу. Материалы к устной истории русских крестьян в XX веке // Крестьяноведение. Т. 6. № 1. С. 91–125.
- Русская деревня в рассказах ее жителей (2010) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: АСТ-Пресс Книга.
- Щеглова Т. К. (2011). Устная история: Учебное пособие. Барнаул: АлтГПА.
- Щеглова Т. К. (2020). Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 8–22.
- Beevor A. (1998). Stalingrad: The Fateful Siege: 1942-1943. Penguin.
- Budnitskii O., Morton Jason (2014). The Great Patriotic War and Soviet Society: Defeatism, 1941–42. // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 15. № 4. P. 767–797.
- Edele M. (2006). Soviet Veterans as an Entitlement Group, 1945–1955 // Slavic Review. Spring, 2006. Vol. 65. № 1. P. 111–137.
- Enstad J. (2018). Soviet Russians under Nazi Occupation. Cambridge: Cambridge University Press.
- Glantz D. M., Jonathan M. H. (2017). The Stalingrad Trilogy, abridged. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas.
- Gross J. (2001). Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Hellbeck J. (2016). Stalingrad: The City that Defeated the Third Reich. New York: PublicAffairs.
- Lynd S. (1993). Oral History from below // The Oral History Review. Vol. 21. № 1. P. 1–8.
- Nakhimovsky A. (2020). The language of Russian peasants in the 20th century. Lexington Books, Rowan & Littlefield.
- RuReg. Русские регионы: акустическая база данных / URL: <http://rureg.ub.rub.de/search/audio>
- Viola L. (2007). Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. New York: Oxford University Press.

Evidence of war and occupation in the memoirs of Russian peasants: Two Cossack women near Stalingrad

101

Alexander D. Nakhimovsky, PhD, Associate Professor of Computer Science and Linguistics (Emeritus), Colgate University, 13 Oak Drive, Hamilton, New York, 13346 USA. E-mail: adnakhimovsky@colgate.edu

А. Д. Нахимовский
Свидетельства
о войне и оккупации
в воспоминаниях
русских крестьян:
две казачки под
Сталинградом

Abstract. The article examines the life of Russian peasants in the steppe regions adjacent to Stalingrad and occupied by the German army at the time of the Stalingrad battle. The battle began in these regions in July–August 1942. In September, when the fighting moved into the city set on a narrow strip along the Volga River, the surrounding steppe was taken over by a more or less organized occupation regime. The occupation came to an end after the Soviet counterattack on November 19–23. While abundant literature has been devoted to the battle in the city, there is practically nothing on the life of peasants under occupation in the surrounding area. Relatively little has been written about the life of peasants during the Great Patriotic War. Studies of the occupation have focused on the western regions of the Soviet Union, where the occupation lasted for years. In the Volga Region, it lasted only for months. There was no occupation administration — only soldiers mostly preoccupied with daily fighting. The local population consisted primarily of the Don Cossacks who preserved Cossack traditions and retained sharp memories of collectivization. The article considers: (1) how the occupiers and the occupied negotiated such unusual conditions; (2) how traditional peasant values and behavioral norms were expressed; (3) how on occasion the occupiers defied their usual stereotypes. The study is based on the records of linguists, specifically dialectologists. Dialectology and oral history frequently use similar materials for different tasks. It is worth noting that the oral history began to develop in Russia only in the 1990s, while dialectology continues a tradition established in the 19th century. Especially in the study of the Russian peasantry, records made by dialectologists can be a valuable source for historians.

Key words: oral history, World War II, Stalingrad, Nazi occupation, peasantry, Don Cossacks, Nazi collaboration, partisans, collectivization, de-kulakization

References

- Beevor A. (1998) *Stalingrad: The Fateful Siege: 1942–1943*, Penguin.
- Berdinskih V. A. (2011) *Rechi nemyh* [Speech of the Mute], Moscow: Lomonosov.
- Berdinskih V. A. (2020) *Voyuyushchaya Rossiya. Chto my pomnim o vojne?* [Warring Russia. What do we remember about the war?]. *Znanya*, no 5, pp. 5–20.
- Budnitskii O., Morton J. (2014) The Great Patriotic War and Soviet society: defeatism, 1941–42. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 15, no 4, pp. 767–797.
- Drobyazko S. I. (2004) *Pod znamyonami vraga: Antisovetskie formirovaniya v sostave germanskikh vooruzhennykh sil 1941–1945 gg.* [Under the Banner of the Enemy: Anti-Soviet Formations in the German Armed Forces 1941–1945], Moscow: Eksmo.
- Edele M. (2006) Soviet veterans as an entitlement group, 1945–1955. *Slavic Review*, vol. 65, no 1, pp. 111–137.
- Enstad J. (2018) *Soviet Russians under Nazi Occupation*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Glantz D. M., Jonathan M. H. (2017) *The Stalingrad Trilogy*, Lawrence: University Press of Kansas.
- Goldin V. E. (1997) *Teoreticheskie problemy kommunikativnoj dialektologii* [Theoretical Issues of the Communicative Dialectology], Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta.
- Golosa krestyan* (1996): *selskaya Rossiya XX veka v krestyanskih memuarah* [Voices of Peasants: Rural Russia of the 20th Century in Peasant Memoirs]. Sost. i obrab. E. M. Kovalev, Moscow: Aspekt press.

- Gross J. (2001) *Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland*, Princeton: Princeton University Press.
- Hellbeck J. (2016). *Stalingrad: The City that Defeated the Third Reich*, New York: Public Affairs.
- Kachinskaya I. B., Malysheva A. V. (2019) Narodnaya rech v natsionalnom korpuse russkogo yazyka [Folk speech in the national corpus of the Russian language]. *Russkaya rech*, no 4, pp. 103–118.
- Kasatkin L. L. (2017) *Izbrannye trudy* [Selected Works], vol. 2, Moscow: Izd-vo YASK.
- Kovalev B. N. (2011) *Povsednevnyaya zhizn naseleniya Rossii v period natsistskoj okkupatsii* [Daily Life of the Russian Population during the Nazi Occupation], Moscow: Molodaya gvardiya.
- Kryuchkova O. Yu., Goldin V. E. (2011) Korpus russkoj dialektnoj rechi: kontseptsiya i parametry otsenki [Russian dialect speech: Concept and evaluation parameters]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii*, vol. 10, Moscow: Izd-vo RGGU, pp. 359–367.
- Loskutova M. V. (2002) *Ustnaya istoriya: metodicheskie rekomendatsii po provedeniyu issledovaniya* [Oral History: Guidelines for Research], Saint Petersburg: Izd-vo "Evropejsky Dom".
- Loskutova M. V. (2003) Vvedenie [Introduction]. *Khrestomatiya po ustnoj istorii*, Saint Petersburg: Izd-vo EUSPb, pp. 5–31.
- Lungina L. Z. (2009) *Podstrochnik* [Subscript], Moscow: Astrel.
- Lynd S. (1993) Oral history from below. *Oral History Review*, vol. 21, no 1, pp. 1-8.
- Nakhimovsky A. D. (2021) Ustnaya istoriya snizu. Materialy k ustnoj istorii russkikh krestyan v XIX veke [Oral history from below. Materials for the oral history of Russian peasants in the 20th century]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 1, pp. 91–125.
- Nakhimovsky A. (2020) *The Language of Russian Peasants in the 20th Century*, Lexington Books, Rowan & Littlefield.
- Russian Regions Acoustic Speech Database. URL: <http://rureg.ub.rub.de/search/audio>.
- Russkaya derevnya v rasskazah ee zhitelej* [Russian Village in the Stories of Its Inhabitants] (2010), otv. red. L. L. Kasatkin, Moscow: AST-PRESS-Kniga.
- Shcheglova T. K. (2011) *Ustnaya istoriya* [Oral History], Barnaul: AltGPA.
- Shcheglova T. K. (2020) Ustnaya istoriya v rossijskom istoriograficheskom prostranstve 1990 — 2010-h godov: vyzovy, dostizheniya i riski [Oral history in the Russian historiography of the 1990s — 2010s: Challenges, achievements and risks]. *Istorichesky kurier*, no 5, pp. 8–22.
- Vinogradsky V. G. (2009) *'Orudiya slabyh': tekhnologiya i sotsialnaya logika povsednevnogo krestyanskogo sushchestvovaniya* ['Weapons of the Weak': Technology and Social Logic of the Everyday Peasant Life], Saratov: Izd-vo Saratovskogo instituta RGTEU.
- Vinogradsky V. G. (2012) *Protokoly kolhoznoj epohi* [Protocols of the Collective-Farm Era], Saratov: Izd-vo Saratovskogo instituta RGTEU.
- Vinogradsky V. G. (2017) *Golosa snizu: diskursy selskoj povsednevnosti* [Voices from Below: Discourses of the Everyday Rural Life], Moscow: Izd. dom "Delo" RANKhiGS.
- Viola L. (2007) *Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements*, New York: Oxford University Press.
- Zenzinov V. M. (1944) *Vstrecha s Rossiej: Kak i chem zhivut v Sovetskom Soyuze: Pisma v Krasnuyu Armiju, 1939–1940* [Meeting with Russia: How and What People Live in the Soviet Union: Letters to the Red Army, 1939-1940], New York.